

ОЛЬГА  
ДАШКОВА

ПОСЛЕ РАЗВОДА  
ТЫ МЕНЯ ПОТЕРЯЛ НАВСЕГДА

Ольга Дашкова

**После развода. Ты  
меня потерял навсегда**

«Автор»

2026

**Дашкова О. В.**

После развода. Ты меня потерял навсегда / О. В. Дашкова —  
«Автор», 2026

– Шесть лет ты врал мне в глаза! Шесть лет я была душой, которая верила в счастливый брак!– Ты не понимаешь...– Что я не понимаю? Что мой муж шесть лет содержит вторую семью? Что пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже воспитывал с другой?– Хватит истерики! Ты хочешь правду? Получи. Да, у меня есть дочь от Карины. Да, я ее люблю больше, чем когда-либо любил тебя. Потому что с ней я чувствую себя живым! Каждое слово как нож в сердце. Но это еще не все.– А знаешь почему? Потому что она женщина, а не высохшая домохозяйка. Потому что с ней интересно в постели, а не лежать как бревно. Потому что она не станет развалиной в сорок четыре года!

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ	5
ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ	8
ГЛАВА 3. КРОВАВАЯ ГОДОВЩИНА	11
ГЛАВА 4. НОЧЬ РАЗРУШЕНИЯ	14
ГЛАВА 5. ВОЙНА ЗА ДОСТОИНСТВО	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# Ольга Дашкова

## После развода. Ты меня потерял навсегда

### ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Я всегда считала, что у меня идеальный брак. Двадцать лет с Александром – двадцать лет счастья, как мне казалось тогда. Как же я ошибалась.

Сегодня утром я проснулась с особенным чувством. Завтра наша годовщина свадьбы, и я уже неделю готовлю сюрприз. Зарезервировала столик в том самом ресторане, где Саша сделал мне предложение, заказала торт в нашей любимой кондитерской.

Даже купила новое платье – элегантное черное, которое подчеркивает фигуру. Через два месяца мне исполнится сорок пять, и хотя я все еще неплохо выгляжу, в последнее время ловлю себя на том, что слишком пристально рассматриваю отражение в зеркале, замечая, как время оставляет свои следы.

– Саш, ты не забыл про завтра? – спрашиваю, подавая ему кофе. Муж сидит за завтраком, уткнувшись в телефон.

– М-м? – даже не поднимает глаз.

– Про нашу годовщину, – повторяю, стараясь не раздражаться. – Двадцать лет, как мы поженились.

– Ах да, конечно, – Саша наконец смотрит на меня, но взгляд какой-то рассеянный. – Слушай, Вик, у меня могут быть проблемы с завтрашним вечером. Важные переговоры.

Сердце неприятно екает. Не может быть. Не в такой день.

– Какие переговоры? Ты же знал про годовщину. Мы планировали это уже месяц.

– Появился срочный клиент. Крупная сделка, – Саша встает, целует меня в щеку торопливо, почти формально. – Постараюсь освободиться, хорошо?

Уходит, а я остаюсь стоять на кухне с чашкой остывшего кофе. Что-то не так. Раньше Саша никогда не ставил работу выше наших важных дней. Раньше он помнил все наши даты лучше меня.

Весь день пытаюсь отогнать тревожные мысли. Занимаюсь работой, у меня несколько проектов по дизайну интерьеров, клиенты довольны. Но концентрация никуда не годится. В голове крутятся странности последних лет.

Да, лет – не месяцев.

Саша стал отстраненным постепенно. Особенно после того, как наш сын Максим поступил в университет в Лондоне три года назад. «Теперь можем пожить для себя,» – говорил Саша тогда. – «Детей больше не хочу. Хватит с нас одного. Лучше путешествовать будем, развлекаться».

Я мечтала о втором ребенке, но Саша был категоричен.

«В нашем возрасте поздно уже. Да и зачем? Максим растет прекрасным парнем». Так он не говорил, когда мне еще было тридцать пять, когда я заикнулась о втором ребенке.

А теперь он задерживается на работе все чаще. Раньше приходил к семи, теперь в девять, а то и позже. Говорит, что дела идут хорошо, много заказов. Я радовалась за него, архитектурная компания действительно на подъеме.

Но есть и другие мелочи. Он стал чаще принимать душ. Появились новые одеколоны – сразу несколько флаконов, которые он объяснил желанием «разнообразить образ». И эти странные звонки, после которых он выходит в другую комнату и говорит вполголоса, почти шепотом.

А еще командировки – все больше и больше.

– Не выдумывай, – говорю себе вслух. – У тебя просто кризис среднего возраста.

Кризис. Да, в сорок четыре хочется верить, что лучшее еще впереди. Максим вырос, стал самостоятельным, живет своей жизнью в Лондоне. Звонит раз в неделю, рассказывает об учебе, новых друзьях. Я скучаю по сыну, но понимаю, что он должен найти свой путь.

А мы с Сашей... мы как будто потерялись друг для друга, когда опустело гнездо.

Вечером муж приходит поздно. Я уже легла, но сон не шел.

– Как дела? – спрашивает, садясь на край кровати.

– Нормально. А у тебя?

– Устал. Эти переговоры...

Поднимаюсь, обнимаю его за плечи. Раньше такие объятия были естественными, а сейчас чувствую, как он слегка напрягается.

– Саш, может, все-таки отложим переговоры? Хотя бы до понедельника? Это же наша годовщина. Двадцать лет – это целая жизнь.

Он поворачивается ко мне, и на секунду в его глазах мелькает что-то странное. Раздражение? Или даже презрение?

– Вика, я же сказал – постараюсь. Это очень важная сделка. Не все же крутится вокруг наших семейных праздников.

Его тон резкий, почти грубый. Когда он стал так со мной разговаривать?

– Важнее нашей семьи?

– Не драматизируй. Один вечер не решает ничего. К тому же, Максим в Лондоне, мы одни – какая разница, отметим сегодня или через неделю?

Он идет в душ, а я лежу и смотрю в потолок. «Один вечер не решает ничего». «Какая разница». Когда он стал так говорить о нашей семье, о нашем браке?

Утром, убирая в его кабинете, Саша просил найти один важный договор, я случайно задеваю папку на краю стола. Она падает, и из нее высыпается содержимое. Среди деловых бумаг я замечаю что-то странное.

Чеки. Множество чеков из ресторанов. Я поднимаю их с дрожащими руками.

«Ле Гран», «Империя», «Савой» – это все не дешевые места. Но это не все.

В самом низу я нахожу кое-что еще более шокирующее. Справка из частной клиники о результатах анализа ДНК. Дата – полгода назад. Имя: Александр Владимирович Романов. Вывод: «Отцовство подтверждается с вероятностью 99,9%».

Ребенок: Софья Петрова. Дата рождения... пять лет назад. У Саши есть пятилетняя дочь. От другой женщины. Пока я мечтала о втором ребенке, он уже воспитывал его с любовницей.

Руки трясутся так сильно, что я едва могу удержать бумагу. В самом низу папки – кусочек записки явно женским почерком: «Соня спрашивает, когда папа приедет. Она скучает. Я тоже скучаю, мой дорогой. Твоя К»

К – Мать его ребенка.

Сажу на полу среди разбросанных бумаг и понимаю, что вся моя жизнь – ложь. Пока я думала, что мы живем для себя, наслаждаемся свободой после того, как Максим вырос, мой муж растил вторую семью.

У него есть дочь, которой сейчас пять лет. Значит, роман длится минимум шесть лет. А я что делала все это время? Готовила ему ужины, стирала рубашки, радовалась его «успехам» на работе. Мечтала о путешествиях вдвоем, о том, как мы будем стареть вместе. А он делил себя между двумя семьями.

Теперь понимаю, почему он не хотел больше детей со мной. Зачем ему еще один ребенок от жены, когда у него растет дочь от молодой любовницы?

Аккуратно складываю все бумаги обратно в папку, расставляю документы по местам. Внешне все как было. Но внутри меня что-то умерло окончательно.

Двадцать лет брака.

Двадцать лет обмана.

И завтра, в день нашей годовщины, я узнаю всю правду до конца

## ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

Не могу выкинуть этот тест ДНК из головы. У Саши есть пятилетняя дочь. Пока наш сын рос, он растил еще одного ребенка с другой женщиной. Всю ночь ворочаюсь, а Саша спит рядом так спокойно, будто у него нет никаких секретов.

Шесть лет. Минимум шесть лет двойной жизни. Сколько раз он говорил «еду в командировку» и ехал к ним? Сколько вечеров я ждала его дома, готовила ужин, а он читал сказки своей дочке от другой женщины?

К полудню принимаю решение. Нужно узнать правду. Всю правду. Еду в офис Саши под предлогом пригласить его на обед.

Их архитектурная компания занимает два этажа в современном бизнес-центре. Я редко здесь бываю, Саша всегда говорил, что не любит смешивать работу и личную жизнь. Теперь понимаю почему.

– Виктория Сергеевна! – встречает меня секретарша Инна. – Какая неожиданность! Александр Владимирович на совещании.

– А долго он будет занят?

– Минут двадцать. Хотите подождать?

Киваю и усаживаюсь в зоне ожидания. Отсюда видно весь офис – орен спресе с дизайнерскими рабочими местами. Молодые сотрудники, все как на подбор, красивые, амбициозные. И среди них женщина, которая сразу привлекает внимание.

Ей около тридцати, каштановые волосы собраны в элегантную прическу, стройная фигура в дорогом костюме. Красивая, но не кричаще, утонченная красота. Она руководит какой-то планеркой, и все вокруг слушают ее с явным уважением.

– Это кто? – спрашиваю у Инны, уже зная ответ.

– Карина Станиславовна Петрова, наш ведущий архитектор. Уже семь лет с нами. МАрхИ с отличием, стажировка в Германии. Очень талантливая женщина. Александр Владимирович лично курирует ее крупные проекты.

«Лично курирует». «Семь лет». Значит, они знакомы еще дольше, чем у них ребенок.

– Семь лет? Значит, очень опытный сотрудник.

– О да! Карина Станиславовна – наша звезда. Клиенты специально к ней обращаются. Да и Александр Владимирович очень ею доволен, постоянно отмечает ее заслуги.

Смотрю на эту женщину и понимаю: вот она, мать его ребенка. Не какая-то глупая девочка, а серьезная, успешная женщина. Конечно моложе и привлекательней меня. Она не просто любовница – она партнер, равная ему по статусу и амбициям.

– А у нее есть дети? – спрашиваю как можно более небрежно.

– Да, дочка. Хорошенькая такая девочка, иногда после садика заходит к маме в офис с няней. Карина Станиславовна одна ее воспитывает – отец, говорят, женат, но помогает материально.

Женат. Помогает материально. Сижу в этом офисе и слушаю историю своей собственной жизни со стороны, о ней даже секретарь мужа знает больше чем я сама.

В этот момент из переговорной выходит Саша с клиентами. Видит меня и на мгновение каменеет – я вижу, как пробегает тень по его лицу.

– Вика? Что случилось?

– Хотела пригласить тебя на обед, – встаю, стараюсь улыбаться. – По случаю завтрашней годовщины.

Саша на секунду растерянно молчит, и я вижу, как его взгляд невольно скользит в сторону Карины.

– Конечно, дорогая. Дай только провожу клиентов.

Он суетится, провожает посетителей, а я наблюдаю за Кариной. Она тоже смотрит в нашу сторону, и в ее глазах я читаю сложную гамму чувств. Любопытство, напряжение, и что-то еще... жалость?

– Карина Станиславовна, – окликает ее Саша, – подготовьте, пожалуйста, документы по проекту Северного комплекса. К вечеру нужно.

– Конечно, Александр Владимирович, – отвечает она голосом профессионала.

Но я вижу, как они смотрят друг на друга. Это не взгляд начальника и подчиненной. Это взгляд людей, между которыми есть тайна. Общий ребенок. Общая жизнь, спрятанная от меня.

– Пойдем? – Саша берет меня под руку.

В кафе рядом с офисом мы заказываем салаты. Я пытаюсь вести обычную беседу, но в голове крутится одна мысль: у этого человека есть пятилетняя дочь, о которой я ничего не знаю.

– У вас в офисе приятная атмосфера. Карина Станиславовна производит впечатление умной женщины.

– Да, Карина толковый специалист, – Саша избегает моего взгляда. – Растет профессионально.

– А у нее есть семья?

– Дочка есть. Одна воспитывает, – Саша почти незаметно вздрагивает.

– Тяжело, наверное, одной с ребенком.

– Наверное, – он нервно тербит салфетку. – Но справляется.

«Справляется». А ты ей помогаешь, правда, Саша? Материально помогаешь. И не только материально.

– Саш, а помнишь, как мы с Максимом ездили к твоей маме на дачу в прошлом году? Ты тогда не смог, сказал – командировка в Сочи.

– Да... была важная презентация, – лицо Саши становится серым.

– А с кем ездил? Один?

– С командой, – голос звучит неуверенно. – С... с теми, кто готовил проект.

Врет. И понимает, что я это вижу. Ездил он в отпуск со своей второй семьей, пока я с сыном проводила выходные у свекрови.

Внезапно до меня доходит еще одна деталь. Максим тогда спрашивал: «Мама, а почему папа не может поехать с нами? Раньше он всегда ездил к бабушке» А я защищала Сашу: «У папы важная работа, сынок. Он для нашей семьи старается»

Для нашей семьи. А он в это время строил песочные замки с чужой дочкой на берегу моря.

– Знаешь, Саша, – говорю, глядя ему прямо в глаза, – а ведь Максим скучал по тебе в той поездке. Все спрашивал, почему папа не с нами. Дети так нуждаются во внимании отца, хоть они уже и не маленькие, правда?

– Да... конечно. Жаль, что не получилось поехать, – Саша бледнеет еще больше. В его глазах мелькает что-то похожее на панику.

Жаль. Ему жаль, что он не поехал с сыном, потому что был занят с дочерью от любовницы.

Мы доедаем в тяжелом молчании. Каждый погружен в свои мысли. Я думаю о том, что двадцать лет жизни оказались ложью. А он, наверное, соображает, не заподозрила ли я что-то.

После обеда, прощаясь у офиса, Саша целует меня в щеку. Формально, как дальнего родственника.

– Увидимся вечером, – говорит он.

– Конечно. А может, позвонишь Максиму? Он так редко слышит твой голос.

– Позвоню, – обещает Саша, но в глазах читается раздражение.

Да, конечно позвонишь. Когда у тебя есть маленькая дочка, которой ты читаешь сказки каждый вечер. Иду к машине и думаю: как я могла быть такой слепой? Все эти годы знаки были перед глазами, а я их не замечала. Или не хотела замечать.

Дома звоню Максиму в Лондон. Сын отвечает радостно:

– Мам! Как дела? Как папа?

– Все хорошо, солнце. Как учеба?

– Отлично! Кстати, завтра же ваша годовщина? Поздравляю! Передавай папе привет.

– Обязательно передам.

Слушаю голос сына и думаю: а знает ли он, что у него есть сводная сестра? Пятилетняя девочка по имени Соня, которая тоже называет его отца папой?

Завтра, в день нашей годовщины, я узнаю всю правду. А потом решу, что делать с развалинами своей жизни.

### ГЛАВА 3. КРОВАВАЯ ГОДОВЩИНА

Утром я просыпаюсь с четким планом. Сегодня двадцать лет нашего брака, и сегодня я узнаю всю правду. Тест ДНК лежит в сумочке, неопровержимое доказательство того, что мой муж отец чужого ребенка.

Саша ведет себя как обычно: завтракает, листает планшет, собирается на «важные переговоры». Я наблюдаю за ним и поражаюсь: как легко ему врать. Как естественно он играет роль любящего мужа уже двадцать лет.

– Попробую освободиться к вечеру, – говорит он, целуя меня в лоб покровительственным жестом. – Может, успеем поужинать.

– Конечно, дорогой. Буду ждать.

Он уходит, я остаюсь с мыслью: сегодня последний день, когда я жена Александра Романова. Завтра я буду кем-то другим.

В три часа дня я еду в центр города. По адресу, который нашла в соцсетях Карины. Детский сад «Сказка» – частное дошкольное учреждение для детей состоятельных родителей. Паркуюсь напротив и жду.

В половине пятого начинается движение. Родители приезжают за детьми. Через десять минут я вижу знакомую фигуру. Карина идет к входу быстрым шагом. Красивая, уверенная в себе женщина. Никакой спешки, никакой суеты, она точно знает, что делает.

Еще через пять минут она выходит, держа за руку девочку. Маленькая, кудрявая, в розовой курточке. Я вглядываюсь в детское лицо и замираю. Глаза. У нее глаза Саши. Тот же разрез, и наверняка тот же серо-зеленый цвет. Такие же были у Максима в детстве.

Это его дочь. Без всяких сомнений.

Но это еще не все. Через минуту к ним подходит мужчина. Мой муж. Он обнимает Карину, целует в губы, а потом наклоняется к девочке.

– Папочка! – слышу я детский голосок через приоткрытое окно машины.

– Привет, моя принцесса! – Саша поднимает дочь на руки, кружит ее. – Как дела в садике?

– Хорошо! Мы сегодня рисовали свой дом!

– Правда? А какой он получился?

– Красивый! С мамой и с тобой!

У меня перехватывает дыхание. Дом с мамой и папой. Семья. Они настоящая семья, а я что? Помеха? Пережиток прошлого?

Они идут к детской площадке рядом с садиком. Саша качает дочку на качелях, Карина смеется, поправляет ей курточку. Идиллия. Счастливая семья на прогулке.

Выхожу из машины и иду к ним. Сердце колотится так сильно, что, кажется, сейчас выскочит из груди. Ноги подкашиваются, но я заставляю себя идти.

Саша замечает меня первым. Лицо его становится белым как мел.

– Вика... – выдыхает он.

– Папа, кто эта тетя? – спрашивает девочка, глядя на меня большими серо-зелеными глазами.

Карина тоже поворачивается. В ее взгляде вижу страх, растерянность, но не раскаяние. Она знала о моем существовании. Знала, что разрушает чужую семью.

– Саша, – говорю максимально спокойным голосом, – представь меня своей дочери.

– Вика, это не...

– Не что? – в моем голосе появляются стальные нотки. – Не твоя дочь? Тогда объясни мне тест ДНК, который я нашла в твоих документах.

Тишина. Даже ветер словно замолк. Карина бледнеет, берет девочку, снимает с качели.

– Соня, иди поиграй в песочнице, – тихо говорит она.

– Но мама...

– Иди, малышка. Взрослые хотят поговорить.

Девочка неохотно отходит к песочнице, но продолжает оглядываться на нас.

– Ну? – спрашиваю я, глядя мужу в глаза. – Двадцать лет брака, и у тебя есть пятилетний ребенок от другой женщины. Объясни мне это.

Саша проводит рукой по лицу. В его глазах уже нет страха, только раздражение.

– Хорошо. Да, это моя дочь. Да, я люблю Карину. И да, мы живем вместе уже шесть лет.

Слова бьют как пощечины. Шесть лет. Половина жизни Максима в старших классах прошла под ложью отца.

– Шесть лет ты врал мне в глаза. Шесть лет я была дурой, которая верила в счастливый брак.

– Ты не понимаешь...

– Что я не понимаю? – повышаю голос, и несколько прохожих оглядываются. – Что мой муж шесть лет содержит вторую семью? Что пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже воспитывал с другой?

– Хватит истерики! – огрызается Саша. – Ты хочешь правду? Получи. Да, у меня есть дочь от Карины. Да, я ее люблю больше, чем когда-либо любил тебя. Потому что с ней я чувствую себя живым!

Каждое слово как нож в сердце. Но это еще не все.

– А знаешь почему? – Саша входит в раж, и в его голосе появляется жестокость, которую я никогда раньше не слышала. – Потому что она женщина, а не высохшая домохозяйка. Потому что с ней интересно в постели, а не лежать как бревно. Потому что она не станет развалиной в сорок четыре года!

Меня словно ударили кувалдой по голове. Развалина. Бревно в постели. Высохшая домохозяйка. Это говорит мужчина, с которым я прожила двадцать лет. Которому родила сына. За которого боролась, когда он начинал бизнес.

– Саша... – Карина пытается его остановить, но он не слышит.

– Ты думала, я не замечаю, как ты постарела? Как появились морщины, как обвисла грудь? Карина дает мне то, что ты давно не можешь: молодость, страсть, восхищение. Она смотрит на меня как на героя, а не как на дойную корову!

Стою и слушаю, как рушится не только мой брак, но и моя самооценка. Каждое слово – это удар по самым болезненным местам. По страхам, которые я старалась не замечать. По комплексам, которые копились годами.

– Папа, почему ты кричишь? – Соня подбегает к нам, испуганная.

– Ничего, малышка, – Саша тут же меняется в лице, берет дочь на руки. – Папа просто объяснял тете, что у него теперь новая семья.

Новая семья. А старая что – на выброс?

– Саша, – говорю дрожащим голосом, – а что Максим? Твой сын? Он на выброс как и старая семья?

– Максим взрослый. Он поймет, – в его голосе нет ни грамма сожаления. – Он давно живет своей жизнью в Лондоне. А здесь моя настоящая семья.

Настоящая семья. Значит, двадцать лет с Максимом и мной – это была ненастоящая жизнь?

– Вика, – Карина делает шаг вперед, – я не хотела, чтобы вы узнали таким образом...

– Заткнись! – взрываюсь я. – Шесть лет ты знала о моем существовании и молчала! Шесть лет ты была соучастницей этого обмана!

– Я люблю его...

– Любишь? – смеюсь, но смех получается истерический. – Ты любишь женатого мужчину, который обманывает жену! Что ты будешь делать, когда он найдет кого-то моложе тебя?

– Хватит! – Саша ставит дочь на землю. – Карина, уводи Соню. А ты, Вика, прекращай устраивать спектакли на людях.

Спектакли? Я узнаю о шестилетнем обмане, а это спектакль?

– Саша, – смотрю ему прямо в глаза, – собери свои вещи и убирайся из моего дома. Сегодня же.

– Из твоего дома? – он усмехается. – Напомню, он оформлен на нас двоих. И я не собираюсь никуда уходить.

– Тогда уйду я. Но знай – *ты меня потерял навсегда*.

– Да пошла ты! – рявкает он. – Думаешь, я буду бегать за тобой? У меня есть женщина, которая меня ценит!

Поворачиваюсь и иду к машине. Ноги дрожат, перед глазами все плывет. За спиной слышу голос Сони:

– Мама, а почему тетя плачет?

– Не обращай внимания, малышка. Некоторые люди не умеют радоваться чужому счастью.

Чужому счастью. Мое несчастье – это их счастье.

Добираюсь до машины, сажусь за руль и только тогда понимаю, что рыдаю. Навзрыд, как ребенок. Двадцать лет жизни оказались ложью. Мужчина, которого я любила, считает меня развалиной. А его новая семья строится на руинах моего счастья.

Еду домой и думаю: что делать дальше? Как жить с этой болью? И главное – как объяснить Максиму, что его отец предал нас всех

## ГЛАВА 4. НОЧЬ РАЗРУШЕНИЯ

Дома меня встречает тишина.

Пустые комнаты, где каждая вещь напоминает о Саше. Его тапочки у кровати. Кружка с надписью «Лучший папа» – подарок Максима на прошлый День отца. Теперь понимаю, какой горькой иронией это было. Лучший папа для одного ребенка, и предатель для другого.

Сажусь на диван и пытаюсь осмыслить то, что услышала несколько часов назад. «Развалина в сорок четыре года». «Бревно в постели». «Высохшая домохозяйка». Каждое слово отзывается болью в груди.

Встаю и иду к зеркалу в прихожей. Смотрю на себя его глазами. Да, я больше не та молодая девушка, которой он делал предложение. Есть морщинки вокруг глаз – следы смеха и забот. Фигура уже не та, что была до рождения Максима. Грудь действительно не такая упругая, как у тридцатилетней Карины.

Но неужели это все, что он во мне видел последние годы? Увядающую женщину, которую пора сдать в утиль?

Телефон звонит. Саша.

– Вика, нам нужно поговорить спокойно, – говорит он тоном, каким разговаривают с истеричными детьми.

– О чем говорить?

– О нашем будущем. О том, как мы будем жить дальше.

Как мы будем жить? После того, что он мне сказал?

– Саша, какое «мы»? Ты же сам сказал – у тебя есть новая семья.

– Ну зачем же так категорично... Мы можем найти компромисс.

Компромисс? Он хочет компромисса после шести лет обмана?

– Какой компромисс?

– Ну... можем оформить развод, но остаться друзьями. Ради Максима.

– Ради Максима? – чуть не смеюсь от абсурдности. – Ты хочешь, чтобы я спокойно смотрела, как ты воспитываешь другого ребенка, и при этом оставалась твоим другом?

– Вика, не усложняй. У нас есть общая история, общий сын...

– У тебя есть общая дочь с другой женщиной! – срываюсь на крик. – Пока я мечтала о втором ребенке, ты его уже растил!

– Это случилось само собой...

– Ничего не случается само собой! Ты сознательно строил вторую семью, врал мне годами!

– Да что тебе от меня нужно? – в его голосе появляется раздражение. – Я честно сказал, что люблю другую. Не все же мужчины на это способны!

Честно сказал. После шести лет обмана.

– Убирайся из моего дома, – говорю я и кладу трубку.

Он перезванивает несколько раз, но я не беру трубку. Потом приходят сообщения:

«Ты ведешь себя как ребенок»

«Мы взрослые люди, должны решить все цивилизованно»

«Не порть отношения с Максимом из-за своих обид»

Мои обиды. Двадцать лет преданности – это мои обиды.

В девять вечера звоню Максиму в Лондон. Сын отвечает радостно:

– Мам! Как дела? Как прошла годовщина?

У меня перехватывает дыхание. Как рассказать ему правду? Как сказать, что его отец – лжец и предатель?

– Максим, сынок... у нас с папой проблемы.

– Какие проблемы? – в голосе появляется тревога.

– Мы... мы разводимся.

Тишина. Долгая, тяжелая тишина.

– Из-за чего? – наконец спрашивает сын.

Я не могу сказать ему про Карину и Сою. Не могу разрушить его веру в отца одним звонком.

– У нас разные взгляды на будущее. Мы стали чужими людьми.

– Мам, а может, вы помириться? Подумаете еще?

– Нет, солнце. Некоторые вещи нельзя исправить.

– А что со мной? Где я буду жить на каникулах?

– У меня. Ты всегда будешь дома у меня.

– А папа?

– С папой ты тоже можешь видеться, когда захочешь.

Я не говорю ему, что у папы теперь другая семья. Что у него есть сводная сестра. Пусть Саша сам найдет слова, если хватит совести.

– Мам, ты плачешь?

– Немного. Но все будет хорошо. Я обещаю.

– Хочешь, я приеду?

– Не надо, у тебя учеба. Я справлюсь.

– Мама, я тебя люблю.

– И я тебя, мой хороший.

Отключаюсь и понимаю: я солгала. Максиму, и себе. Ничего не будет хорошо. Я не знаю, как справляться с этой болью. В одиннадцать вечера звонит Сима. Моя единственная близкая подруга, которая прошла через развод три года назад.

– Вика, что случилось? Что с голосом, ты плачешь?

Я рассказываю все. Про тест ДНК, про Карину и Сою, про жестокие слова Саши в парке. Сима слушает молча, только изредка ахает.

– Сука он, – резюмирует она, когда я заканчиваю. – Конченная сука. Как он мог такое говорить? Вот же скотина!

– А вдруг он прав? – всхлипываю я. – Вдруг я действительно стала непривлекательной? Неинтересной?

– Ты что, с ума сошла? – Сима почти кричит. – Викуша, он это говорил, чтобы тебя добить! Чтобы переложить вину с себя на тебя!

– Но что-то же его оттолкнуло...

– Его ничего не оттолкнуло! Просто появился новый объект для охоты. Мужчины как дети – увидели новую игрушку и забыли про старую.

– Новая игрушка родила ему дочь...

– И что? Это делает его поступок лучше? Вика, он предатель. Он обманул тебя, сына, даже эту Карину обманул небось.

– Почему Карину?

– Да потому что наверняка обещал ей развестись и жениться. А вместо этого шесть лет водил за нос и тебя, и ее.

В словах Симы есть смысл. Но легче от этого не становится.

– Сим, а что если я больше никому не буду нужна? Кому нужна разведенка в сорок четыре года?

– Прекрати! Тебе сорок четыре, а не семьдесят четыре! Ты красивая, умная, успешная женщина. У тебя вся жизнь впереди.

– Но...

– Сейчас приеду.

– Не надо, поздно уже...

– Еду. Будешь дуреть в одиночестве – натворишь глупостей.

Сима приезжает через час с бутылкой хорошего вина и пакетом мороженого.

– Классический набор для переживания разводов, – объясняет она.

Мы сидим на кухне, пьем вино, и я плачу. Рассказываю подруге о том, как больно слышать правду о себе. О том, что двадцать лет оказались пустышкой. О том, что не знаю, кто я теперь – если не жена Саши.

– А кем ты была до него? – спрашивает Лена.

– Молодой дурочкой, которая думала, что любовь навсегда.

– Нет. Ты была талантливой студенткой дизайнерского факультета. Помнишь, как преподаватели хвалили твои проекты?

– Это было так давно...

– И что? Талант никуда не делся. Ты прекрасный дизайнер, у тебя куча клиентов. Ты самостоятельная, успешная женщина.

– Которую бросил муж ради молодой любовницы.

– Которая освободилась от мужа-лжеца и получила шанс на настоящее счастье.

Настоящее счастье? После сегодняшнего дня в это верится с трудом.

– Сим, а ты не думала... ну, покончить с собой? Когда разводилась?

Подруга ставит бокал и смотрит на меня серьезно:

– Думала. Одну ночь сидела с пачкой таблеток и думала, а зачем жить дальше? А потом поняла, нахрен ему такая победа. Чтобы он гулял на моих поминках с новой сучкой?

– А если больше не будет никого?

– Будет. Но даже если не будет – ты все равно лучше, чем когда была с этим говнюком. По крайней мере, больше никто не будет тебе врать и унижать.

Мы разговариваем до утра. Сима рассказывает, как она восстанавливалась после развода. Как училась жить одна, как строила карьеру, как нашла себя.

– Знаешь, что самое важное? – говорит она под утро. – Не мстить. Не опускаться до его уровня. Просто жить лучше, чем с ним. Это лучшая месть.

– А как жить лучше, если чувствуешь себя выжатым лимоном?

– По чуть-чуть. День за днем. Сначала просто вставать с кровати. Потом завтракать. Потом работать. А через год оглянешься и поймешь, что ты стала другим человеком. Сильнее и счастливее.

Утром Сима уезжает на работу, а я остаюсь одна. Первое утро моей новой жизни. Жизни без лжи, но и без иллюзий. Иду в ванную, смотрю на себя в зеркало. Опухшие от слез глаза, взъерошенные волосы. Не развалина, но и не красавица.

– Ничего, – говорю своему отражению. – Начнем заново. С завтрашнего дня начнем новую жизнь.

Именно с завтрашнего дня. Потому что сегодня я еще слишком разбита, чтобы что-то менять. Сегодня просто переживу.

А завтра... завтра посмотрим.

## ГЛАВА 5. ВОЙНА ЗА ДОСТОИНСТВО

Утром просыпаюсь с чувством, будто меня переехал грузовик. Голова раскалывается, глаза опухшие, во рту привкус горечи. Но есть и что-то еще – злость. Чистая, яркая злость, которая жжет изнутри.

Саша думает, что сломал меня вчерашними словами. Что я буду рыдать и умолять о прощении. Он ошибается. Первым делом звоню адвокату. Ольга Васильевна специализируется на разводах и знает свое дело, назначаем встречу.

– Расскажите все по порядку, – говорит она, включая диктофон.

Рассказываю. Про измену, про вторую семью, про то, что Саша имеет пятилетнюю дочь. Ольга Васильевна записывает, периодически кивает.

– Понятно. Имущество какое?

– Квартира в совместной собственности. Дом тоже в совместной. Машина на нем. У меня своя студия – в аренде. Сбережения около миллиона рублей пополам.

– А кто больше зарабатывает?

– Последние годы примерно одинаково. Он архитектор, у меня дизайнерская студия.

– Дети?

– Сын девятнадцать лет, учится в Лондоне. Официально проживает с нами, но фактически самостоятельный.

Ольга Васильевна записывает, потом снимает очки и смотрит на меня внимательно.

– Ваши шансы хорошие. Измена, сокрытие доходов, это в вашу пользу. Можете претендовать на большую часть имущества.

– А он может что-то требовать?

– Может. И наверняка будет. Готовьтесь к тому, что он попытается обвинить вас в чем угодно: от алкоголизма до супружеской неверности.

В тот же день Саша звонит. Голос деловой, холодный.

– Вика, я говорил с адвокатом. Мне сказали, что ты подала на развод.

– А ты на что рассчитывал?

– Думал, остынешь, подумаешь здраво. Ну ладно. Давай решим все цивилизованно.

– Я на это надеюсь.

– Тогда слушай мои условия. Квартиру продаем, делим пополам. Дом оставляешь мне – она мне нужнее. Машину забираю я. Из сбережений тебе половина.

Условия наглые, но это еще не все.

– И еще. Я претендую на долю в твоей студии.

– Что?!

– Студия развивалась благодаря моим связям. Половина твоих клиентов, это мои знакомые. Это мой вклад в твой бизнес.

– Саша, ты что, охренел? Студия полностью моя!

– Нет, дорогая. Я тебя морально поддерживал, помогал советами, знакомил с людьми. Без меня твоя карьера не состоялась бы.

У меня перехватывает дыхание от наглости. Студия, которую я создавала своими руками, работая по четырнадцать часов в сутки, это его заслуга?

– Ты больной?

– Я реалист. И еще – я требую компенсацию за то, что содержал тебя последние двадцать лет.

– Содержал меня? Я работала наравне с тобой!

– Работала, но на моей базе. На моих связях. Пора возвращать долги.

Сбрасываю звонок, не выдержав его наглости, звоню адвокату.

– Готовьтесь к войне, – говорит она после того, как я пересказываю разговор. – Он будет биться за каждый рубль. И попытается вас морально сломать.

– Но ведь его требования абсурдны?

– Абсурдны, но в суде всякое бывает. Нужно собирать документы, доказывающие, что студия, это исключительно ваша заслуга.

Следующие дни я провожу в архивах. Достаю все договоры, счета, документы о регистрации студии. Звоню клиентам, прошу подтвердить письменно, откуда они обо мне узнали. Большинство – из сарафанного радио, по рекомендациям других клиентов. Никакого участия Саши.

Но это только начало. Через неделю Ольга Васильевна звонит с новостями:

– Ваш супруг подал встречный иск. Требуется признать вас недееспособной по причине алкогольной зависимости и психических расстройств.

– Что?!

– Утверждает, что вы пьете, устраиваете скандалы, угрожаете самоубийством. Просит назначить психиатрическую экспертизу.

У меня темнеет в глазах. Алкоголичка? Психически больная? До чего он готов пойти, чтобы получить мое имущество?

– Это же бред!

– Конечно, бред. Но придется опровергать. Нужны справки от нарколога, психиатра, свидетельские показания.

– А еще что он придумал?

– Обвиняет в супружеской измене. Говорит, что у вас был роман с клиентом два года назад.

– С каким клиентом?

– Антон Сергеевич Блинов, предприниматель. Якобы вы проводили с ним подозрительно много времени во время работы над его офисом.

Антон Блинов. Да, был такой клиент. Крупный заказ, мы действительно много общались. Но роман? Даже мысли такой не было!

– Ольга Васильевна, это клевета!

– Знаю. Но клевету тоже нужно опровергать. Хорошо, что у вас есть все рабочие документы, переписка по проекту. Докажем, что отношения были исключительно деловыми.

Вечером звонит Сима.

– Вика, ты как? Слышала, что Саша совсем озверел.

– Откуда знаешь?

– Общие знакомые рассказали. Говорит всем, что ты сошла с ума от ревности. Что пьешь, угрожаешь ему и его девушке.

– Девушке? – у меня перехватывает дыхание. – Он уже называет ее девушкой?

– Не только. Говорит, что вы давно живете как чужие люди. Что он несколько лет пытался спасти брак, но ты стала невыносимой.

– Сука! – вырывается у меня. – Какая же он сука!

– Вика, главное – не поддавайся на провокации. Он сознательно тебя бесит, чтобы ты наделала глупостей.

– Каких глупостей?

– Ну, например, пришла к ним домой устраивать разборки. Или начала названивать им по ночам. Тогда он скажет, вот видите, она действительно неадекватная.

В словах Симы есть логика. Саша играет долгосрочную игру. Хочет представить меня неуравновешенной истеричкой, а себя – жертвой обстоятельств.

– А что говорят люди?

– По-разному. Мужчины в основном его поддерживают, мол, мужик имеет право на счастье. Женщины больше тебе сочувствуют.

– А что конкретно он рассказывает?

– Что ты стала холодной, неинтересной. Что отказывалась от близости, заиклилась на работе. Что он годами пытался наладить отношения, но ты его отталкивала.

Каждое слово как плевок в лицо. Он переписывает историю нашего брака, делая из меня плохую жену, а из себя великого страдальца.

– Сима, а вдруг в чем-то он прав? Может, я действительно была плохой женой?

– Прекрати! Ты была отличной женой! Родила ему сына, поддерживала в трудные времена, вела хозяйство, строила карьеру. А он что? Врал и изменял!

– Но что-то же его оттолкнуло...

– Его ничего не оттолкнуло! Просто появилась возможность, и он ею воспользовался. Мужчины все такие, только одни сдерживаются, а другие – нет.

На следующий день иду к психиатру за справкой. В очереди сижу рядом с настоящими больными и думаю: до чего дошла моя жизнь. Мне нужно доказывать, что я не сумасшедшая, потому что муж хочет отнять мои деньги.

Врач пожилая женщина с добрыми глазами проводит беседу, назначает тесты.

– Вы абсолютно здоровы, – говорит она в конце. – Естественная реакция на стресс, но никаких психических отклонений.

– А можно это написать в справке?

– Конечно. А что, есть сомневающиеся?

– Бывший муж пытается доказать, что я неадекватная.

– Понятно. К сожалению, это частая история. Мужчины думают, что если женщина не соглашается на их условия, значит, она больная.

Наркологическая справка проще, я никогда не пила больше бокала вина по праздникам. Зато приходится собирать показания свидетелей. Звоню клиентам, знакомым, соседям. Прошу подтвердить, что я адекватная, трезвая, работоспособная.

Унизительно. Но необходимо.

Через месяц первое судебное заседание. Я прихожу с Ольгой Васильевной, он – с каким-то молодым адвокатом. Выглядит Саша отлично: костюм, галстук, уверенная улыбка. Я в строгом черном платье, стараюсь держаться с достоинством.

Судья женщина лет шестидесяти, выслушивает иски требования. Саша просит признать меня частично недееспособной и ограничить в правах распоряжения имуществом.

– На каком основании? – спрашивает судья.

– Ваша честь, супруга моего доверителя в последние годы страдает алкогольной зависимостью и психическими расстройствами, – говорит адвокат Саши. – Она неадекватно реагирует на жизненные ситуации, угрожает самоубийством, устраивает скандалы.

– У вас есть доказательства?

– Есть показания свидетелей...

Ольга Васильевна встает:

– Ваша честь, у нас есть справки от нарколога и психиатра, подтверждающие полную дееспособность моей подзащитной. А также показания свидетелей ее адекватного поведения.

Заседание откладывается на месяц для изучения документов. Выходя из суда, я чувствую себя выжатой.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.